

Переписка Некрасова с Полонским дает несколько интересных черт в понимании облика Я. П. Полонского, а также говорит о связанности Некрасова с редакционным коллективом «Отечественных Записок».

В общем, изданная книга в историко-литературном отношении представляет несомненную ценность.

И. Кубинов.

О. АПТЕКМАН. Глеб Успенский. Изд. «Задруга». 1922.

Книга О. Аптекмана, составленная из двух очерков, в свое время напечатанных в «Русском Богатстве» и в «Современном Мире»,—представляет интерес как для исследователя творчества Гл. Успенского, так и для рядового читателя.

Особенное значение имеет первый очерк «Страницы из скорбного листа». Автор наблюдал жизнь Гл. Успенского в Колмовской психиатрической колонии. Перед ним прошел весь процесс духовного угасания одного из прекрасных представителей русской литературы. Как известно, Гл. Успенский в состоянии сумасшествия пробыл почти десять лет. Первые годы были моменты просвета, но затем больной впадал во все более безнадежное состояние. «В его помрачении,—говорит Аптекман,—я видел мрак, опутавший тогда нашу родину, погубивший его, а с ним много сильных, честных и благородных».

Страницы, в которых перед нами выявляется так назыв. социологический бред Гл. Успенского, как раньше, так и теперь читаются с захватывающим интересом.

Очень важны также те страницы книги, где перед нами целая законченная система миропонимания, сложившаяся в мозгу душевно-больного писателя.

Больной Гл. Успенский отказывается есть сорванные или срезанные яблоки,—«ем только палые, которые сами пали потому, что все живое имеет душу, начиная от былинки в степи, кончая человеком». По этой же причине Гл. Успенский протестовал против сенокоса

и жатвы. «Как-то раз Гл. Иванович увидел в окно, что косят траву. Боже! Что с ним сделалось! Он кричал, ругался, плакал, проклинал и довел себя до такого состояния, что д-р Синани приказал немедленно приостановить косьбу, и она была окончена ранним утром, когда Гл. Иванович еще спал». По этой же причине он подымал шум, когда при нем ездили на лошади, ибо, по его понятию, это было насилие над живым существом.

Самого О. Аптекмана Гл. Успенский называл «Св. Иосиф». Но иногда он был в глазах Гл. Успенского «Иуда предатель и душегуб». Потому что он занимается тем, что держит «святых угольников» в «бесконечном гробу». А по мнению больного Гл. Успенского доктор «св. Иосиф» должен заниматься совсем другим, а именно: 1) «завести во всех бесконечных деревнях бесконечные посева пашен», 2) «устроить во всех деревнях бесконечные крестьянские банки и бесконечные народные школы», 3) «завести по всем селам и деревням бесконечные столовые для детей, малолетних и престарелых» и, наконец, 4) «завести по всем деревням бесконечные посева лекарственных трав».

И совершенно правильно отмечает О. Аптекман, что читатель, знакомый с сочинениями Гл. Успенского, увидит в этой программе душевно-больного человека все те же проклятые вопросы, которыми жил и здоровый Гл. Успенский.

Болезнь Гл. Успенского, по свидетельству О. Аптекмана, усилилась со второй половины 1896 г. Мало-по-малу настал полный душевный мрак—бесповоротный и страшный.

Вполне естественен для О. Аптекмана, как для врача общественника, интерес к причинам душевной болезни Гл. Успенского.

Автор приходит к таким выводам: решающими факторами были все внешние, крайне неблагоприятные для душевного равновесия писателя, условия жизни. Картины страданий человеческих потрясали Гл. Успенского, ибо у него каждое представление почти ментально превращалось «в живое, чувственное восприятие». Все эти ужасные явления русской действительности дей-

ствовали в определенном направлении—они усиливали и влияние прирожденно-унаследованных особенностей».

Значение очерка О. Аптекмана и его наблюдений над ходом болезни Гл. Успенского—весьма значительно.

Второй очерк «Общественные типы в сочинениях Г. И. Успенского» является попыткой классификации героев Гл. Успенского. Но здесь у О. Аптекмана не все является выдержанным и самое понятие «народная интеллигенция» довольно расплывчато. Мих. Иванович из очерков «Разоренье» является, по совершенно справедливому определению Овсянко - Куликовского, предтечей сознательного пролетариата. Во всяком случае, перед нами подлинный представитель «возмущенной чести» своего класса. «Иваны» из «Наблюдений одного лентяя» это есть уже бледная вариация первоначального, ярко - обрисованного типа.

Но далее, отмечая Федюшу из рассказа «Голодная смерть» и Василия Хомякова из рассказа «Хорошая встреча», О. Аптекман упускает из виду гораздо более яркую фигуру представителя интеллигенции из народа, фельдшера Кузьмичева, из цикла «Скучающая публика». Этот фельдшер Кузьмичев, бывший простой крестьянин—одно из самых ярких художественных достижений в творчестве Гл. Успенского.

Характеристика хозяйственного мужика Ивана Ермолаевича после Плеханова (статья об Успенском) ничего нового не вносит. Далее О. Аптекман отмечает типы хищников и деревенского пролетария Ивана Босых.

Характеристика «кающейся» интеллигенции («Чудак-барин» и Михаил Михайлович) уже исчерпана предшествовавшей критической литературой, а потому О. Аптекману не приходится по этому вопросу говорить что -нибудь новое.

В общем, книга представляет несомненный интерес и заслуживает внимания со стороны читателей.

И. Кубиков.

П. ПЕРЦЕВ. Ранний Блок. Изд. «Костры». 75 стр. А. БЕЛЫЙ. Воспоминания о Блоке. «Северные дни». Сборник II, стр. 131—155. ПАМЯТИ АЛ. БЛОКА. (А. Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг). Изд. Вольфилы. 63 стр. К. И. ЧУКОВСКИЙ. Книга об А. Блоке, изд. «Эпоха», 121 стр.

Для Блока наступает история. Прошло меньше года с его смерти, и уже ясно чувствуешь—поэт в прошлом, быть может, он скоро станет далеким. Есть что-то хрупкое, изысканно-кратковременное в его поэзии, и когда перелистываешь критику или воспоминания о нем—чувство хрупкости только усиливается. Особенно подчеркивает это чувство небольшая книжка П. Перцева, посвященная «раннему Блоку». «Я и теперь считаю,—говорит он,—«Стихи о прекрасной даме» самым чудесным из чудес Блока, и его дебют самым удивительным началом». Очень тщательно в книге собраны письма поэта, его забытые стихотворения, варианты. Рассказано о первых стихах в «Новом Пути», о литературной обстановке того времени. Много незаменимых штрихов, все вместе—прекрасное, отвлеченное, замкнутое в грезе, мечте. Таким, вероятно, и был Блок этого раннего периода. Его «общественность»,—о которой иногда говорит Перцев? Общественность поэта с Соловьевым и символизмом, общественность, которой он, в конце концов, и не выдержал.

Многого можно было ожидать от воспоминаний и статьи А. Белого. Связанный с Блоком долголетней дружбой, в некоторых отношениях единством мировоззрения, он мог сказать о нем больше других.

Интереснее, свежее всего переданы биографические, бытовые черты. «Во мне было что-то исконное, московское, от доброго времени Станкевичевского кружка, где гегелианизировали до такой степени, что свою гегелианизацию проводили в жизнь... разница была только в том, что тогда гегелианизировали, а мы «соловьезировали» и также старались Соловьева протиснуть даже в семейную жизнь. В А. А. не было совершенно Московского духа, ничего от Станкевичевского кружка». «Он